

Часть вторая

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Глава I

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Задачей общей синхронической лингвистики является установление принципов, лежащих в основе любой системы, взятой в данный момент времени, и выявление конститутивных факторов любого состояния языка. Многие из того, о чем говорилось выше, относятся, по существу, к синхронии. Так, все сказанное об общих свойствах знака можно рассматривать в качестве одного из разделов синхронической лингвистики, хотя эти общие свойства знака и были использованы нами для доказательства необходимости различать обе лингвистики.

К синхронии относится все, что называют «общей грамматикой», ибо те различные отношения, которые входят в компетенцию грамматики, устанавливаются только в рамках отдельных состояний языка. В дальнейшем мы ограничимся лишь основными принципами, без которых не представляется возможным ни приступить к более специальным проблемам статики, ни объяснить детали данного состояния языка.

Вообще говоря, статической лингвистикой заниматься гораздо труднее, чем историей языка. Факты эволюции более конкретны, они больше говорят воображению; наблюдаемые и без труда улавливаемые в них отношения завязываются между последовательно сменяющимися элементами, понять которые легко, а за рядом преобразований следить иногда даже занятно. Та же лингвистика, которая оперирует сосуществующими значимостями и отношениями, представляет для нас более значительные трудности.

Состояние языка не есть математическая точка. Это более или менее продолжительный промежуток времени, в течение которого сумма происходящих изменений остается ничтожно малой. Он может равняться десяти годам, жизни одного поколения, одному столетию и даже больше. Случается, что в течение сравнительно долгого промежутка времени язык почти не изменяется, а затем в какие-

нибуть несколько лет претерпевает значительные изменения. Из двух сосуществующих в одном периоде языков один может сильно эволюционировать, а другой почти вовсе не измениться: во втором случае изучение будет неизбежно синхроническим, в первом случае потребуются диахронический подход. Абсолютное состояние определяется отсутствием изменений, но поскольку язык всегда, хотя бы и минимально, все же преобразуется, постольку изучать состояние языка означает практически пренебрегать маловажными изменениями, подобно тому как математики при некоторых операциях, например при вычислении логарифмов, пренебрегают бесконечно малыми величинами.

В политической истории различаются: *эпоха* — точка во времени, и *период* — отрезок, охватывающий некоторый промежуток времени. Однако историки сплошь и рядом говорят об эпохе Антонинов, об эпохе крестовых походов, разумея в данном случае совокупность признаков, сохранявшихся в течение соответствующего времени. Можно было бы говорить, что и статическая лингвистика занимается эпохами, но термин «*состояние*» все же предпочтительней. Начало и конец любой эпохи обычно отмечаются какими-либо переворотами, более или менее резкими, направленными к изменению установившегося порядка вещей. Употребляя термин «*состояние*», мы тем самым отводим предположение, будто в языке происходит нечто подобное. Сверх того, термин «*эпоха*» именно потому, что он заимствован у исторической науки, заставляет думать не столько о самом языке, сколько об окружающих и обуславливающих его обстоятельствах, — одним словом, он вызывает, скорее всего, представление о том, что мы назвали выше внешней лингвистикой (см. стр. 59).

Впрочем, разграничение во времени — это не единственное затруднение, встречаемое нами при определении понятия «состояние языка»; такой же вопрос встает и относительно разграничения в пространстве. Короче говоря, понятие «состояние языка» не может не быть приблизительным. В статической лингвистике, как и в большинстве наук, никакое доказательное рассуждение невозможно без условного упрощения исходных данных.

Глава II

КОНКРЕТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СУЩНОСТИ

§ 1. [Конкретные языковые] сущности и [речевые] единицы. Определение этих понятий

Составляющие язык знаки представляют собой не абстракции, а реальные объекты (см. стр. 53); эти реальные объекты и их отношения и изучает лингвистика; их можно назвать *конкретными [языковыми] сущностями* этой науки.

Напомним прежде всего два основных принципа этой проблемы.

1. [Конкретная] языковая сущность реально возможна лишь в силу ассоциаций означающего с означаемым (см. стр. 99): если упустить из виду один из этих компонентов сущности, она исчезнет, и вместо конкретного объекта мы окажемся перед чистой абстракцией. Ежеминутно мы рискуем овладеть лишь одной стороной [конкретной языковой] сущности, воображая при этом, что мы схватываем ее целиком. Это, например, неизбежно случится, если мы станем делить звуковую цепочку на слоги; у слога есть значимость лишь в фонологии. Звуковая цепочка только в том случае является языковым фактом, если она служит опорой понятия; взятая сама по себе, она представляет собою лишь материал для физиологического исследования.

То же верно и относительно означаемого, как только мы изолируем его от означающего. Такие понятия, как «дом», «белый», «видеть» и т. д., рассматриваемые сами по себе, относятся к психологии; они становятся [конкретными] языковыми сущностями лишь благодаря ассоциации с акустическими образами. В языке понятие есть свойство звуковой субстанции, так же как определенное звучание есть свойство понятия.

Эту двустороннюю единицу часто сравнивали с человеческой личностью как целым, состоящим из тела и души. Сближение малоудовлетворительное. Правильнее было бы сравнивать ее с химическим соединением, например с водой, состоящей из водорода и кислорода; взятый в отдельности каждый из этих элементов не имеет ни одного из свойств воды.

2. [Конкретная] языковая сущность определяется полностью лишь тогда, когда она отграничена, отделена от всего того, что ее окружает в речевой цепочке. Именно эти отграниченные [конкретные языковые] *сущности*, то есть [речевые] *единицы*, и противоплагаются друг другу в механизме языка.

На первый взгляд кажется соблазнительным уподобить языковые знаки зрительным, которые могут сосуществовать в пространстве, не смешиваясь между собою; при этом создается ложное представление, будто разделение языковых знаков может производиться таким же способом, не требуя никаких особых размышлений. Термин «форма», часто используемый для их обозначения (ср. выражения «глагольная форма», «именная форма» и т. п.), способствует сохранению этого заблуждения. Но, как мы знаем, основным свойством речевой цепочки является ее линейность (см. стр. 103). Поток речи, взятый сам по себе, есть линия, непрерывная лента, где ухо не различает никаких ясных и точных делений: чтобы найти эти деления, надо обратиться к значениям/Когда мы слышим речь на неизвестном языке, мы не в состоянии сегментировать воспринимаемый поток звуков. Такая сегментация вообще невозможна, если принимать во внимание лишь звуковой аспект языкового факта. Лишь тогда, когда мы знаем, какой смысл и какую функцию нужно приписать каждой части звуковой цепочки, эти части выделяются нами, и бесформенная лента разрезается на куски. В этом анализе, по существу, нет ничего материального.

Итак, язык — это не просто совокупность заранее разграниченных знаков, значение и способы комбинирования (*agencement*) которых только и требовалось бы изучать; в действительности язык представляет собой расплывчатую массу, в которой только внимательность и привычка могут помочь нам различить составляющие ее элементы. [Речевая] единица не обладает никакими специальными звуковыми особенностями, и ее можно определить только так: *[речевая] единица — это отрезок звучания, который, будучи взятым отдельно, то есть безо всего того, что ему предшествует, и всего того, что за ним следует в потоке речи, является означающим некоторого понятия.*

§ 2. Метод разграничения сущностей и единиц

Всякий владеющий языком разграничивает его единицы весьма простым способом, по крайней мере в теории. Способ этот состоит в том, чтобы, взяв в качестве отправного момента речь как манифестацию (*document*) языка, изобразить ее в виде двух параллельных цепочек: цепочки понятий А и цепочки акустических образов ВГ

Для правильности разграничения требуется, чтобы деления, установленные в акустической цепочке (а, р, у...), соответствовали делениям в цепочке понятий (а', р', у'...):

Возьмем французское *sigalagra*; можно ли рассечь эту цепочку после *l* и выделить *sisal* как особую единицу? Нет, нельзя: достаточно обратиться к цепочке понятий, чтобы убедиться в ошибочности такого деления. Разделение на слоги *sis-la-gra* также не является **a priori** языковым. Единственно возможными делениями оказывается: **si-53-la-pra** (пишется *si je la prends*) «если я ее возьму» и **st-jai-l-apra** (пишется *si je l'apprends*) «если я это узнаю», так как они оправдываются тем смыслом, который связывается с этими отрезками.

Чтобы проверить результат подобной операции и убедиться в правильности выделения какой-либо единицы, нужно, сравнив целый ряд предложений, где встречается одна и та же единица, убедиться в каждом отдельном случае в возможности ее выделения из контекста и удостовериться, что такое выделение оправдано по смыслу. Возьмем два отрезка: *laforsdyva* (пишется *la force du vent*) «сила ветра» и *ahudafors* (пишется *a bout de force*) «в упадке сил». Как в том, так и в другом отрезке одно и то же понятие — «сила» — соотносится с одной и той же звуковой цепочкой *fors*, из чего мы заключаем, что это [речевая] единица. Но в предложении *iliraforsaparle* (пишется *il me force a parler*) «он принуждает меня говорить» *fors* «принуждает» имеет совсем другой смысл, из чего мы заключаем, что это другая [речевая] единица.

§ 3. Практические трудности разграничения сущностей и единиц

Легко ли на практике применить этот способ, теоретически столь простой? Может показаться, будто легко, если исходить при этом из представления, что подлежащие выделению единицы — это слова; в самом деле, что такое предложение, как не сочетание слов, и есть ли что-либо более непосредственно данное, нежели слово? Так, возвращаясь к прежнему примеру, можно сказать, что звуковая цепочка *sigalagra* распадается на четыре единицы, разграничиваемые нашим анализом, которые оказываются четырьмя словами: *si-je-l-apprends*. Но вместе с тем у нас тотчас же возникает сомнение, как только мы вспомним, сколько споров ведется по поводу того, что такое слово; по зрелом размышлении мы убеждаемся в том, что

обычное понимание слова несовместимо с нашим представлением о конкретной единице.

Чтобы удостовериться в этом, вспомним хотя бы франц. *faval* (пишется *cheval*) «лошадь» и его множественное число *Javo* (пишется *chevaux*). Обычно говорят, что это две формы одного и того же слова; однако, взятые в целом, это все же две совсем разные вещи — как по смыслу, так и по звукам. Во франц. *mwa* (в *le mois de decembre* «месяц декабрь») и *mwaz* (в *un mois arges* «месяцем позже») мы также имеем одно и то же слово в двух разновидностях, но и здесь опять-таки нельзя говорить об одной конкретной единице: смысл, несомненно, один, но отрезки звучаний разные. Таким образом, если бы мы пожелали приравнять конкретные единицы словам, то сразу оказались бы перед дилеммой: либо игнорировать, несмотря на его очевидность, отношение, объединяющее *Javal* и *Javo*, *mwa* и *mwaz* и т. д., и утверждать, что это разные слова, либо довольствоваться вместо конкретных единиц абстракцией, объединяющей различные формы одного и того же слова. Итак, конкретную единицу следует искать не в слове. К тому же многие слова представляют собой сложные единицы, в которых нетрудно распознать единицы низшего уровня (суффиксы, префиксы, корни); производные слова, как, например, *desir-eux* «жаждущий», *malheur-eux* «несчастный», распадутся на отдельные части, каждая из которых явно наделена особым смыслом и особой функцией. И наоборот, есть единицы высшего уровня, большие, чем слово, как, например, композиты (*porte-plume* «ручка для пера»), устойчивые сочетания (*s'il vous plait* «сделайте милость!»), аналитические формы спряжения (*il a ete* «он был») и т. д. Но при выделении и этих единиц наталкиваешься на такие же трудности, как и при выделении собственно слов. Представляется вообще чрезвычайно трудным выяснить функционирование встречающихся в потоке речи единиц и установить, какими конкретными элементами оперирует язык.

Говорящие не знают, разумеется, этих затруднений. Все, что в какой-либо мере является значимым, воспринимается ими как конкретный элемент, и они безошибочно распознают его в речи. Но одно дело — интуитивно владеть всеми тонкостями мгновенного функционирования этих единиц, и совсем другое дело — уметь их систематически анализировать.

Одна довольно распространенная теория утверждает, будто единственными конкретными единицами являются предложения: мы говорим только предложениями и лишь потом извлекаем из них слова. Но прежде всего, в какой мере предложение относится к сфере языка (см. стр. 156)? Если оно принадлежит к сфере речи, то оно не может служить единицей языка. Допустим, однако, что это затруднение устранено. Если мы представим себе всю совокупность предложений, которые могут быть сказаны, то их наиболее характерным свойством окажется их совершенное несходство. На первый взгляд кажется заманчивым уподобление огромного разнооб-

разия предложений не меньшему разнообразию особей, составляющих какой-либо зоологический вид. Однако это иллюзия: у животных одного вида общие свойства гораздо существенней, нежели разъединяющие их различия; в предложениях же преобладает различие, и если поискать, что же их связывает на фоне всего этого разнообразия, то невольно опять натолкнешься на слово с его грамматическими свойствами и снова окажешься перед теми же трудностями.

§ 4. Выводы

В большинстве областей, являющихся предметом той или иной науки, **вопрос о единицах** даже не ставится: они даны непосредственно. Так, в зоологии мы с самого начала имеем дело с отдельными **Животными**. Астрономия оперирует единицами, разделенными в пространстве,— небесными телами. В химии можно изучать природу и состав двухромовокислого калия, ни минуты не усомнившись в том, что это некий вполне определенный объект.

Если в какой-либо науке отсутствуют непосредственно наблюдаемые конкретные единицы, это значит, что в ней они не имеют существенного значения. В самом деле, что является конкретной единицей, например, в истории: личность, эпоха, народ? **Неизвестно!** Но не все ли равно? Можно заниматься историческими изысканиями и без выяснения этого вопроса.

Но подобно тому, как шахматная игра целиком и полностью сводится к комбинации различных фигур на доске, так и язык является системой, целиком основанной на противопоставлении его конкретных единиц. Мы не можем отказаться от попытки уяснить себе, что это такое, точно так же мы не можем и шага ступить, не прибегая к этим единицам. Вместе с тем их выделение сопряжено с такими трудностями, что возникает вопрос, существуют ли они реально.

Итак, удивительное и поразительное свойство языка состоит в том, что мы не видим в нем непосредственно данных и различимых с самого начала [конкретных] сущностей, между тем как в их существовании усомниться невозможно, точно так же как нельзя усомниться и в том, что язык образован их функционированием. Это и есть, несомненно, та черта, которая отличает язык от всех прочих семиологических систем.

Глава III

ТОЖДЕСТВА, РЕАЛЬНОСТИ, ЗНАЧИМОСТИ

Высказанные только что соображения приводят нас к проблеме тем более важной, что в статической лингвистике любое основное понятие непосредственно зависит от того, как именно мы будем представлять себе единицу языка. Это мы и постараемся показать в связи с рассмотрением понятий тождества, реальности и значимости в синхронии.

А. Что такое синхроническое *тождество*? Здесь речь идет не о тождестве, объединяющем французское отрицание *pas* с латинским существительным *passum* «шаг»; такое тождество является диахроническим, и речь о нем будет ниже (см. стр. 217). Нет, мы имеем в виду то не менее любопытное тождество, на основании которого мы утверждаем, что предложения *je ne sais pas* «я не знаю» и *pe elites pas eela* «не говорите этого» содержат один и тот же элемент. Нам скажут, что это вопрос праздный, что тождество имеется уже потому, что в обоих предложениях одинаковый отрезок звучания — *pas* — наделен одинаковым значением. Но такое объяснение недостаточно: ведь если соответствие звуковых отрезков и понятий и доказывает тождество (см. выше пример *la force du vent: a bout de force*), то обратное неверно: тождество возможно и без такого соответствия. Когда мы слышим-на публичной лекции неоднократно повторяемое обращение *Messieurs!* «господа!», мы ощущаем, что каждый раз это то же самое выражение. Между тем вариации в произнесении и интонации его в разных оборотах речи представляют весьма существенные различия, столь же существенные, как и те, которые в других случаях служат для различения отдельных слов (ср. *potme* «яблоко» и *raite* «ладонь», *goutte* «капля» и *je goute* «пробую», *fuir* «убежать» и *foiir* «рыть» и т. д.); кроме того, сознание тождества сохраняется, несмотря на то что и с семантической точки зрения нет полного совпадения одного употребления Слова *Messie-*

tifs с другим. Вспомним, наконец, что слово может обозначать довольно далекие понятия, а его тождество самому себе тем не менее не оказывается серьезно нарушенным (ср. *adopter une mode* «перенимать моду» и *adopter un enfant* «усыновлять ребенка», *la fleur du pommier* «цвет яблони» и *la fleur de la noblesse* «цвет аристократии» и т. д.).

Весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, -причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых. Поэтому проблема тождеств возникает повсюду; но, с другой стороны, она частично совпадает с проблемой [конкретных] сущностей и единиц, являясь усложнением этой последней, впрочем весьма плодотворным. Это ясно видно при сопоставлении проблемы языковых тождеств и различий с фактами," лежащими за пределами языка. Мы говорим, например, о тождестве по поводу двух скорых поездов «Женева — Париж с отправлением в 8 ч. 45 м. веде», отходящих один за другим с интервалом в 24 часа. На наш взгляд, это тот же самый скорый поезд, а между тем и паровоз, и вагоны, и поездная бригада — все в них, по-видимому, разное. Или другой пример: уничтожили улицу, снесли на ней все дома, а затем застроили ее вновь; мы говорим, что это все та же улица, хотя материально от старой, быть может, ничего не осталось. Почему можно перестроить улицу до самого последнего камешка и все же считать, что она не перестала быть той же самой? Потому что то, что ее образует, не является чисто материальным: ее существо определяется некоторыми условиями, которым безразличен ее случайный материал, например ее положение относительно других улиц. Равным образом представление об одном и том же скором; поезде складывается под влиянием времени его отправления, его маршрута и вообще всех тех обстоятельств, которые отличают его от всех Прочих поездов. Всякий раз, как осуществляются одни и те же условия, получают одни и те же сущности. И вместе с тем эти сущности не абстрактны, потому что улицу или скорый поезд нельзя себе представить вне материальной реализации.

Противопоставим этим двум примерам совсем иной случай, а именно кражу у меня костюма, который я затем нахожу у торговца случайными вещами. Здесь дело идет о материальном характере сущности, заключающейся исключительно в инертной субстанции: сукне, подкладке, прикладе и т. д. Другой костюм, как бы он ни был схож с первым, не будет моим. И вот оказывается, что тождество в языке подобно тождеству скорого поезда и улицы, а не костюма. Употребляя неоднократно слово *Messieurs!*, я каждый раз пользуюсь новым материалом: это новый звуковой акт и новый психологический акт. Связь между двумя употреблениями одного и того же слова основана не на материальном тождестве, не на точном подобии смысла, а на каких-то иных элементах, которые надо найти и которые помогут нам вплотную подойти к истинной природе языковых единиц.

Б. Что такое синхроническая *реальность*? Какие конкретные или абстрактные элементы языка можно считать синхроническими реальностями?

Возьмем для примера различие частей речи: на что опирается классификация слов на существительные, прилагательные и т. д.? Производится ли она во имя чисто логического, внелингвистического принципа, накладываемого извне на грамматику, подобно тому как сетка меридианов и параллелей наносится на земной шар? Или же она соответствует чему-то, имеющемуся в системе языка и ею обусловленному? Одним словом, является ли различие частей речи синхронической реальностью? Это второе предположение кажется правдоподобным, но можно было бы защитить и первое. Так, например, можно ли сказать, что в предложении *ces gants sont bon marche* «эти перчатки дешевы» группа слов *bon marche* «дешевы» является прилагательным? Логически она имеет смысл прилагательного, но грамматически это менее очевидно: *bon marche* не ведет себя как прилагательное (оно не изменяется, никогда не ставится перед существительным и т. д.), к тому же *bon marche* составлено из двух слов; между тем именно различие частей речи должно служить для классификации слов языка, а каким же образом группа слов может быть отнесена к одной из этих «частей»? Но *bon marche* нельзя истолковать и иначе, сказав, что *bon* — прилагательное, а *marche* — существительное. Таким образом, здесь мы имеем дело с неточной и неполной классификацией; деление слов на существительные, глаголы, прилагательные и т. д. не есть бесспорная языковая реальность.

Итак, лингвистика непрестанно работает на почве придуманных грамматистами понятий, о которых мы не знаем, соответствуют ли они в действительности конститутивным элементам системы языка. Но как это узнать? И если эти понятия — фикция, то какие же реальности им противопоставить?

Чтобы избежать заблуждений, надо прежде всего проникнуться убеждением, что конкретные языковые сущности не даны нам непосредственно в наблюдении. Надо стараться их уловить, понять и лишь тогда мы соприкоснемся с реальностью; исходя из нее, можно будет разработать все классификации, необходимые лингвистике для приведения в порядок подлежащих ее ведению фактов. С другой стороны, базироваться при этих классификациях не на конкретных языковых сущностях, а на чем-либо ином, говорить, например, что части речи суть элементы языка только в силу того, что они соответствуют логическим категориям, — значит забывать, что не бывает языковых фактов вне звукового материала, расчлененного на значимые элементы.

В. В конце концов, все затронутые в этой главе понятия, по существу, не отличаются от того, что мы раньше называли *значимостями*. Новое сравнение с игрой в шахматы поможет это понять (см. стр. 120). Возьмем коня: является ли он сам по себе элементом

игры? Конечно, нет, потому что в своей чистой материальности вне занимаемого им поля на доске и прочих условий игры он ничего для игрока не представляет; он становится реальным и конкретным элементом в игре лишь постольку, поскольку он наделен значимостью и с нею неразрывно связан. Предположим, что во время игры эта фигура сломается или потеряется; можно ли будет заменить ее другой, равнозначной? Конечно, можно. Не только другая фигура, изображающая коня, но любой предмет, не имеющий с ним никакого сходства, может быть отождествлен с конем, если только ему будет придана та же значимость. Мы видим, таким образом, что в семиологических системах, как, например, в языке, где все элементы связаны друг с другом, образуя равновесие согласно определенным правилам, понятие тождества сливается с понятием значимости и наоборот.

Вот почему понятие значимости в конечном счете покрывает и понятие единицы, и понятие конкретной языковой сущности, и понятие языковой реальности. Но если между этими различными аспектами вообще не существует коренной разницы, то из этого следует, что проблема может последовательно ставиться в разной форме. Что бы мы ни хотели определить: единицу, реальность, конкретную сущность или значимость,— все будет сводиться к постановке одного и того же центрального вопроса, который доминирует над всем в статической лингвистике.

С практической точки зрения интересно начать с единиц языка, определить их и дать их классификацию с учетом всего их разнообразия. Необходимо выяснить, на чем основывается членение на слова, так как слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка; одной этой темы было бы достаточно для целого тома. Далее следовало бы перейти к классификации единиц низшего уровня, затем более крупных единиц и т. д. Таким образом, наша наука, определив элементы, которыми она оперирует, выполнила бы свою задачу целиком, так как тем самым свела бы все входящие в ее ведение явления к их основному принципу. Нельзя сказать, что в лингвистике эта центральная проблема когда-либо уже ставилась и что все ее значение и трудность ее решения полностью осознаны; до сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными.

Но все же, несмотря на первостепенную важность понятия единицы, предпочтительнее подойти к проблеме со стороны понятия значимости, так как, по нашему мнению, в ней выражается наиболее существенный ее аспект.